

АЛЕКСАНДРОВА А. А. – ПЕШКОВОЙ Е. П.

АЛЕКСАНДРОВА (урожд. Головач) Антонина Алексеевна, родилась в 1890-х. Окончила гимназию, давала частные уроки, позднее служала в железнодорожном отделе банка в Москве. Вышла замуж за студента Александрова, с мужем выехала в Клинцы Черниговской губ., работала в местном банке. С 1918 — в железнодорожной бригаде по охране мостов в Гомеле, в Старой Руссе. После расформирования бригады проживала с мужем в Ленинграде, работала в банке, с 1931 — вдова. В марте 1935 — выслана из Ленинграда в Куйбышев на 5 лет. В феврале 1936 — обратилась за помощью к Е. П. Пешковой¹.

<4 февраля 1936>

«г<ород> Куйбышев (б<ывшая> Самара)
4/II 1936.

Тов<арищ> Пешкова! Обращаюсь к вам с большой просьбою о ходатайстве и рассмотрении моего дела!

Я, Антонина Алексеевна Александрова, была выслана из Ленинграда 25-го марта 1935 г<ода> в г<ород> Куйбышев. Мой отец, Алексей Иванович Головач (я по мужу Александрова), он сам из крестьян, прадедом был казак Черниговской губ<ернии>, дед писец в гор<оде> Остре, а отец чиновник акцизного ведомства, так что я дочь крестьянина, а у отца нас было 5 человек, а жалованье он получал небольшое, и умер, когда мне было всего 9-ть лет, братья мои учились в городском училище двое, а старший был отдан мамой в немецкое училище для того чтоб ему лучше было знать немецкий язык, который всегда может пригодится, а я была отдана в гимназию. Мама после смерти отца получала маленькую пенсию (25 руб<лей>) и давала уроки, жилось нам очень трудно. Старший мой брат, который окончил немецкое училище, Евгений Алексеевич Головач, для того, чтоб поддержать всех нас, а он был самый старший, поступил на службу в Государственный банк по окончании училища и помогал маме, иначе маме невозможно было поднять младших. Жилось нам очень трудно, а я, когда кончила гимназию, вышла замуж за студента Александрова, жилось нам трудно с ним, старший брат предложил, чтоб нам жилось легче, поступить в Государственный банк, и он поступил, а я в это время давала уроки. Мой старший брат Евгений Алексеевич Головач, когда Советская власть пришла, и когда чиновники банка бастовали, он один из первых начал заниматься в Ленинграде в Государственном банке. Нас потом эвакуировали в Москву, и мой старший брат умер два года тому назад в Москве и был сожжен в крематории; он занимал место в финансовом отделе. Мой муж как хороший работник был послан тов<арищем> Грике (он тоже работал в банке в Москве) в гор<од> Клинцы для открытия банка, а я в это время работала в Банке <в> железнодорожном отделе в Москве. Мой муж набрал штат служащих, вызвал меня из Москвы, и оба мы с ним работали в Клинцах Черниговской губ<ернии>. Потом мой муж сам пожелал перейти в Красную армию вместе со мною, и мы оба работали с ним в Гомеле в 58 железнодорожной бригаде по охране мостов, это было при наступлении Балеховича. Потом нас перевели на север в Старую Руссу в этап, затем работали в Рабочей Бригаде и двигались к Ленинграду, и там нас расформировали. В Ленинграде мой муж поступил опять в Банк, а 1931 году он умер, и я, оставшись совершенно одна, в то время работала.

¹ Поставлены знаки препинания.

Сейчас здесь в Куйбышеве совершенно одна, ни знакомых, ни родных, без работы, так как куда ни пойдешь, везде один ответ — своих некуда девать, а есть и пить надо, за комнату платить тоже надо, прямо не знаю, что делать, продать нечего, т<ак> к<ак> и в Ленинграде у меня ничего не было, жила только тем, что получала со службы и, уезжая сюда, мне даже нечего было продать, т<ак> к<ак> муж мой очень много хворал, а последнее время жил только своей маленькой пенсией. Между тем в Ленинграде я все время работала, а здесь я все время без работы, не знаю прямо, что делать, т<ак> к<ак> совершенно одна, не имею ни родных, ни знакомых, все почти умерли, совершенно одинока. Прошу вашего содействия. Адрес мой:

г<ород> Куйбышев (б<ывшая> Самара), Никитинская ул<ица>, д<ом> 30, кв. 2. Александра Антонова Алексеевна.

Мой муж был дворянин личный, а личный дворянин все равно, как вы знаете, все равно что мещанин, и прежде, куда не пойдешь, раз личный дворянин, везде отказ, и только благодаря образованию (университет) он мог дойти до надворного советника, и вы сами знаете, что это совсем небольшой чин.

Еще раз очень вас прошу о ходатайстве вашем, и если можно, о переводе моем на родину в г<ород> Ленинград, т<ак> к<ак> я совершенно одинока, все мои родные и знакомые умерли»².

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1542. С. 120-121. Автограф.

**АЛЬЖАНОВ Г. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.,
ЯГОДЕ Г. Г.**

АЛЬЖАНОВ Галимжан Альжанович, родился ок. 1909. Окончил школу в Омске, работал в Кызыл-Орде и Ташкенте, в 1931 — окончил Казахский лесной техникум, работал в Лестресте в Киргизии, затем в Высшей казахской сельскохозяйственной школе. В 1932 — поступил в Ленинградский институт инженеров механизации сельского хозяйства. В марте 1935 — выслан из Ленинграда в Иргиз актюбинской на 5 лет, позднее переведен в Челкар той же области. В январе 1936 — обратился с заявлением к наркому Г. Г. Ягоде³.

<3 января 1936>

«Народному Комиссару Внутренних Дел Ягоде,
копия Ек<атерине> Пешковой.

Альжанова Галимжана Альжановича

Заявление

Я сын казака, окончившего учительскую семинарию в гор<оде> Омск, которого уездные чины в момент колонизации царским правительством бывшего Казахстана увезли на учебу взамен сына волостного правителя Сулеймена. В то время, очевидно, им необходимо было подготовить свои "кадры". Отца звали Отунчи, он приблизительно 1907-8 г<ода> из Омска переехал на свою родину, в село Кокпекты, где заведовал сельской школой, и затем в 1909 году, мне не известно, за что, царское правительство его ссылает в бывш<ую> Джетисуйскую губернию. Чем он здесь занимался, мне хорошо не известно. В 1916-1917 г<одах> он опять возвращается на родину, сначала перебрасывает семейство, а сам остается там. В то время мне было 7-8 лет, незадолго после переезда семья получает весть о том, что отец умер, оказалось, что он был членом казахской контрреволюционной партии "Алаш-Орда", передают, что он был убит за участие в банде "Алаш-Орды".

Я всего этого узнал после, по рассказам матери, когда мне уже было 12-13 лет. Правда, отец был состоятельным, но после его смерти в течении 3-х – 4-х лет все его состояние были разбазарено. Брату в момент смерти отца было 12-13 лет, а мать была совершенно не способная хозяйка, и близких родных у отца не было. Мать с целью обучать нас года 2 возила в город Зайсан (я в то время не учился, учились сестра и брат в Высшем начальном училище), пока у нее была возможность, а затем перестала.

<В> 1921 году мать, ища выхода из затруднительного положения, выдает свою дочь замуж за сына бая Аймухаметова. Я вместе с матерью переехали к сватам, зимой зять меня устроил в приходскую школу гор<ода> Семипалатинск. Но мою сестру держали вместо байской рабыни. Всяческий над ней издевалась мать мужа, обзывая ее "бесприданной", а муж часто избивал. На лето я с матерью вернулись в аул, где через год получили письмо, извещающее развод. Сестра скрытно уехала в гор<од> Омск, а затем опять вышла замуж. В 1925 году я с матерью поехали в

³ Исправлены некоторые ошибки и поставлены запятые.

Омск, где меня новый зять устроил в 4-х летнюю школу. <В> 1926 году по вербовке национального комитета был командирован в гор<од> Кзыл-Орда, а оттуда командировали в гор<од> Ташкент, где поступил в Казахский Лесной Техникум, чего окончил в 1931 году. По окончании работал в Киргизии, сн<ач>ала в Лестресте, затем в ВКСХШ в качестве преподавателя.

И в 1932 году поехал в Ленинград, где поступил в институт Инженеров Механизации Сельского Хозяйства.

При поступлении в институт из-за подлого отца допустил большую ошибку — скрывал социальное происхождение, поступил <по> поддельным документом, затем некий Моргуланов познакомил меня с женой сосланного поэта националиста-казаха Джумабаева, которая в то время проживала в Ленинграде. Поскольку не имел других знакомств, я у нее бывал 1-2 раза в месяц, но не вел никаких группировок с деятельностью против Советской власти.

И в 1935 году Ленинградское Управление НКВД выслало меня в Иргиз с<о> сроком на 5 лет, а сейчас нахожусь в Челкаре.

Я считаю, что не заслуживаю такого наказания как высылка. Наряду с этим полностью признаю уже упомянутые мною ошибки.

За подлые поступки отца я не допущен до экзаменов за третий курс в институте, но уже говорилось, что сын за отца не отвечает.

Я в воспитании отца не был, даже хорошо не помню его физиономию, а с малых лет воспитывался в стенах советской школы.

Мое положение в настоящий момент <с> каждым днем для меня становится совершенно невыносимым — когда вся молодежь в моих возрастах идут руки об руку с рабочим классом, устраивающим социализм с невиданным успехом во всей области промышленности для других стран.

В заключение прошу Вашего распоряжения о разборе моего дела и если возможно, то восстановить в право обучение в институте.

Подпись: Г. Альжанов

З/л – <19>36 г<ода>.

Мой адрес: ст<анция> Челкар Оренбургской ж<елезной> д<ороги> улица 4-го Конгресса, дом № 7. Альжанову»⁴.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1544. С. 106-107. Автограф.

ГОЛЛЕРБАХ Л. Ф. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ГОЛЛЕРБАХ Лев Федорович, родился в 1887 в Царском Селе Санкт-Петербургской губ. Получил высшее техническое образование, инженер. В 1915 — окончил Петроградский Горный институт. Во время учебы работал инструктором мартеновских печей на артиллерийских заводах, затем — лаборантом в мастерских института. В 1915 — призван в армию, служил в Запасном саперном батальоне, в 1916 — окончил офицерскую электротехническую школу и ускоренный курс радиотелеграфии, служил в радиочастях 12-й армии на Северном фронте. С осени 1918 — в Красной армии, в Управлении инспектора радиотелеграфа, преподаватель в радиотелеграфной учебной команде. В 1920-х — проживал в Детском Селе, работал инженером на заводе имени Казицкого, с 1932 — на проектной работе в Гипроэспроме. Женат на Людмиле Алексеевне Голлербах, в семье — сын Сергей. 16 марта 1935 — арестован и выслан с семьей и матерью жены из Ленинграда в Воронеж на 5 лет.

ГОЛЛЕРБАХ Людмила Алексеевна, родилась в 1890-х (отец Агапов Алексей Алексеевич, директор Воронежского кадетского корпуса, генерал; мать Агапова Александра Алексеевна). Окончила гимназию, служила класной наставницей в средней школе, а после революции — в советских учреждениях. В 1925 — вышла замуж за инженера Льва Федоровича Голлербаха, в семье — сын Сергей. 16 марта 1935 — выслана с семьей и своей матерью из Ленинграда в Воронеж на 5 лет.

Сергей Львович, родился в 1923 (отец Голлербах Лев Федорович; мать Голлербах Людмила Алексеевна, урожд. Агапова). Проживал с родителями в Детском Селе Ленинградской области, учился в школе. 16 марта 1935 — выслан с родителями и бабушкой из Ленинграда в Воронеж на 5 лет.

В 1936 — Лев Федорович обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<1936>

«Екатерине Павловне ПЕШКОВОЙ

б<ывшего> ст<аршего> инженера
Технологического Сектора Гипроэспрома,
в настоящее время инженер завода
"Электросигнал" в г<ороде> Воронеже
ГОЛЛЕРБАХ Льва Федоровича.

З А Я В Л Е Н И Е

Убедительно прошу Вас, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, помочь мне в деле моего восстановления в праве свободного проживания по всей территории СССР, которого меня лишили органы НКВД весной прошлого года, выслав из г<орода> Ленинграда (вернее из г<орода> Детского Села) в г<ород> Воронеж.

На мои заявления с просьбой о пересмотре вопроса о высылке, поданные весной Особоуполномоченному У<правления> НКВД по Ленинградской области и Областному Прокурору я получил от первого отказ, от второго не получил вовсе ответа.

Осенью прошлого года я послал заявление с просьбой о содействии в деле моего восстановления своему Наркому — тов<арису> Орджоникидзе с подробным изложением дела и с приложением ряда документов, однако и на него ответа я до сих пор не получил.

Моральное состояние, в котором я нахожусь в результате высылки, чем дальше, тем становится все более подавленным, т<ак> к<ак> все сильнее ощущаются последствия этой высылки, случайность и несправедливость ее. Многие тысячи Ленинградских жителей с показателями в части соц<иального> прошлого много худшими, чем у меня, и даже совершившие в прошлом преступления против Советской власти, продолжают спокойно проживать в Ленинграде, я же с первых дней революции честно служивший Советской власти и хотя и в скромной роли участвовавший в гражданской войне и в строительстве социализма, пользовавшийся доверием представителей партии и Советской власти и оправдавший таковое, был на 18-м году после революции объявлен органами НКВД классовым врагом, не заслуживающим доверия и ответственным за преступные действия врагов Советской власти.

Подробности моего дела таковы:

16-го марта прошлого года я был арестован, 9 дней продержан в ДПЗ, а затем мне было предложено вместе с семьей, состоящей из жены Людмилы Алексеевны Голлербах, матери ее Александры Алексеевны Агаповой, 74 лет, и сына Сергея, 11 лет, выехать на новое место жительства "минус 15".

Я выехал в г<ород> Воронеж в надежде, что Главэспром согласится содействовать приему меня на работу заводом "Электросигнал", в проектировании которого я принимал участие в бытность мою инженером Гипроэспрома.

Действительно, начальник Главэспрома тов<арис> ЛЮТОВ, учитывая, по-видимому, мою безупречную службу в течение 14 лет в Электрослаботочном объединении, разрешил дать мне направление на этот завод и я, распродав срочно за гроши значительную часть вещей для получения средств на выезд, переехал с семьей в Воронеж, где был принят заводом на работу исключительно благодаря имевшемуся направлению, т<ак> к<ак> вообще завод адм<инистративно> высланных на работу не принимал.

Это неожиданное переселение и положение адм<инистративно> высланного действует угнетающе на моральное состояние и не дает возможности спокойно и плодотворно работать, не говоря уже о вызванном резком ухудшении материальных и бытовых условий.

На допросе следователь назвал меня классовым врагом, в справке же, выданной впоследствии Воронежским УНКВД на предмет получения паспорта, было указано мое социальное прошлое: сын купца, домовладельца, офицер царской армии.

В пояснение этого сообщаю о себе нижеследующее, подтверждаемое прилагаемыми копиями документов и могущее быть подтвержденными всеми знающими меня и мою семью, а знают меня и знали моих родителей очень многие, в особенности в гор<оде> Детском Селе, где я родился, вырос и проживал до последнего времени с небольшими перерывами 48 лет.

Родился я в семье ремесленника, имевшего в Детском Селе кустарную мастерскую-булочную и кондитерскую, в которой до конца ее существования сам работал мастером. Количество наемных работников колебалось в среднем в пределах не более 8-10 человек. До этого он работал много лет по найму. Капитала не имел, а на сбережения к старости приобрел в 1916 году маленький бездоходный дом на окраине

г<орода> Детского Села, где и поселился после ликвидации своей мастерской в конце 1916 года.

После этого в 1918 и 1919 г<одах> он служил по найму в детском приюте, а затем после моего возвращения из Красной армии был на моем иждивении до своей смерти, последовавшей в 1926 г<оду>. Мать моя дочь столярного мастера умерла в 1923 году.

Я окончил Ленинградский Горный Институт по заводскому отделению в 1915 году. В бытность студентом давал уроки, а затем служил в 1914 году в качестве инструктора мартеновских печей в Правлении Русского Акционерного Общества Артиллерийских заводов, а в 1915 году в качестве лаборанта в Объединенных Мастерских Ленинградских Высших Учебных Заведений. В конце 1915 года по окончании института был призван на военную службу, как ратник ополчения, служил в качестве нижнего чина в 6-м Запасном Саперном батальоне, был затем направлен в школу подготовки прапорщиков инженерных войск, произведен в прапорщики 1-го июля 1916 года, направлен в Офицерскую электротехническую школу, в которой прошел ускоренный курс радиотелеграфии, а потом был отправлен на Северный фронт, где прослужил в радиочастях 12-й армии до марта 1918 года в должностях: офицер для поручений при командире дивизиона (на работе по руководству радиосвязью армии), затем начальника передовых радиотелеграфных мастерских и склада 12-й армии и наконец, после Октябрьской революции был выбран солдатскими массами на должность помощника командира 12-го радиотелеграфного дивизиона по технической части.

В марте 1918 г<ода> демобилизовался, а затем после 4-х месячной болезни добровольно поступил на военную службу (осенью 1918 г<ода>) сперва в Управление Гл<авного> Начальника Военного Радиотелеграфа, влившегося впоследствии в ГВПУ, затем добровольно поехал на Северный, впоследствии Западный фронт, где занимал в Управлении Инспектора Радиотелеграфа фронта последовательно должности инженера для поручений, начальника радиотелеграфных мастерских и склада фронта и, наконец, был преподавателем в полевой радиотелеграфной учебной команде Зап<адного> фронта.

По вызову из Москвы был в ноябре 1920 года направлен в распоряжение УСКА Полевого штаба Республики, которое командировало меня на завод быв<ший> Сименс (ныне завод им<ени> Казицкого) для усиления штата по ремонту полевых радиостанций военного ведомства.

Не чувствуя себя достаточно подготовленным в области радиотехники, с одной стороны, с другой стороны, считаясь с затишьем в первые годы революции в области металлургической промышленности и с состоянием здоровья, подорванного на военной службе, я остался на заводе Казицкого, но перешел на работу по линии технического нормирования и экономики труда, причем занимал должности зав<едующего> ТНБ и зав<едующего> ОЭТ с 1923 года по 1932 год, когда был переведен на проектную работу в Гипроэспром, в котором и работал до момента высылки.

За все время службы как в Красной армии, так и на заводе Казицкого и в Гипроэспроме я работу выполнял честно и добросовестно, не имея за все время никаких взысканий, что подтверждается прилагаемыми копиями послужного и трудового списков. Всегда пользовался доверием солдатских, красноармейских и рабочих масс, директоров, партийных и профессиональных организаций, был засекречен на заводе, а с декабря 1934 г<ода> и в Гипроэспроме, причем, старые члены партии поручились за мою благонадежность без всяких колебаний.

Из числа знающих меня старых членов партии могу указать следующих: директор Гипроэспрома В. И. Дорофеев, инженер

Гипроэспрома Меншутин, т<оварищ> Белунский (зав<едующий> Казицкого), инж<енер> Кузьмичев (Гипромет), Р. И. Юргелас (зав<едующий> Электроприбора), М.А. Коршунов (Ленин<градское> Управл<ение> Связи), А. Н. Жилинская (Ленинград<ский> Университет) и ряд других.

Мою жену знают как активного работника Осоавиахима нач<альник> отдела СОК Ленинградского Областного Совета Осоавиахима тов<арищ> Заводчиков и работники Осоавиахима Московско-Нарвского района.

Состою в запасе Начсостава Красной армии в должности Нач<альника> радиостанции, член союза с 1920 г<ода>, член ИТС с 1923 года, последняя общественная работа — уполномоченный кассы взаимопомощи при ЛенКомбите. Под судом и следствием никогда не был и органами ГПУ и НКВД никогда не привлекался. Был всегда предан Советской власти и считал, что она одна способна создать новую счастливую жизнь и превратить Россию в великую передовую страну.

За границей я никогда не был и связи с ней не имел и не имею, т<ак> к<как> нельзя считать за связь наличие в Германии трех одиноких старух теток, сестер покойной матери, мелких служащих, выехавших из России еще до революции, с которыми я не вел и не веду никакой переписки.

Несмотря на немецкую фамилию (дед мой был выходцем из Баварии), я вполне русский по воспитанию, характеру и духу и никогда никаких симпатий к Германии, в особенности фашистской не питал и не питаю. Всегда относился отрицательно к попыткам иностранцев вмешаться в русские дела и готов встать на защиту своей социалистической родины от кого бы то ни было.

Жена моя (женился в 1925 г<оду>) дочь б<ывшего> военного педагога, умершего в 1912 г<оду>. Он был специалистом по воспитанию дефективных детей, имел по этому вопросу печатные труды. Домов, земли и капиталов не имел. Генеральский чин получил лишь при отставке.

Жена моя по окончании гимназии служила до революции в качестве классной наставницы в средней школе, а после революции до замужества служила в советских учреждениях. В последнее время она обучалась на высших курсах иностранных языков и высылка заставила ее бросить занятия за два месяца до получения диплома преподавательницы иностранных языков, что вместе с положением адм<инистративно> высланной весьма затрудняет получение ею в Воронеже уроков. В течение трех последних лет она была активным членом Осоавиахима, создала в г<ороде> Детском Селе коллектив владельцев служебных собак, обучавших последних сторожевой работе как для охраны колхозов, так и для службы в Красной армии. Была уполномоченной этого коллектива.

За организацию осенью 1934 г<ода> охраны урожая колхоза "Тярлевская Искра" собаками была премирована Райсоветом Моск<овско>- Нарвс<кого> района, как одна из лучших активисток (Д<етско>- С<ельский> коллектив принадлежит Московско-Нарвскому району г<орода> Ленинграда).

Одним из моих "грехов", как видно из прилагаемой справки Воронежского У<правления> НКВД, является еще то, что я сын купца и бывш<его> домовладельца.

Первое опровергается прилагаемой копией свидетельства Петербургской Ремесленной Управой, в протоколе же допроса следователь не исправил по моему настоянию слова купец, а лишь приписал к нему слово ремесленник.

Что касается второго, то мой отец не имел домов, кроме небольшого бездоходного дома на окраине г<орода> Детского Села, ул<ица> Глинки, 27, приобретенного им в 1916 году, который не был муниципализирован в

виду его малого размера и ветхости, и в котором проживали лишь я и мой брат с семьями и родителями иждивенцами, фактическими владельцами были брат и я, так как несли все расходы по дому. После смерти отца дом перешел к нам по наследству по Советским законам, и мы им владели до сего времени на правах служащих владельцев бездоходного дома.

Всю свою жизнь я вращался исключительно в среде трудящихся-ремесленников и трудовой интеллигенции, с дворянством и капиталистами я не имел ничего общего, если не считать женитьбы на дочери бывшего дворянина, педагога, военнослужащего, с которой я познакомился лишь после революции в 1923 году и за преданность которой, а также ее престарелой матери Советской власти я вполне ручаюсь.

Возможно, что на мою судьбу повлияли следующие два обстоятельства. Первое, это сдача мною при аресте пяти патронов от автоматического пистолета Маузер № 2, который я приобрел в 1925 году в ГПУ и которым владел 6 лет, имея соответствующее разрешение. 4 года тому назад я был вызван в ГПУ, и мне было предложено сдать оружие, что я и сделал, причем, в выдаче квитанции мне было отказано. Отчета в израсходовании патронов от меня потребовано не было. Из 25 штук 7 было сдано вместе с револьвером, 13 израсходовано на упражнения в стрельбе и стрельбу в воздух при налетах грабителей, 5 же остались у меня, и я их сразу не сдал, рассчитывая снова исходатайствовать разрешение на оружие, впоследствии же я о них забыл.

Следователь стал меня обвинять в снабжении патронами контрреволюционной организации и сказал, что все остальное пустяки, а за патроны мне "припаяют". Однако в Управлении НКВД, где я получал направление на выезд, мне заявили, что никаких обвинений против меня нет, и что меня выселяют как "бывшего человека".

Второе обстоятельство — это наличие у моей жены брата, бывшего офицера, служившего непродолжительное время по мобилизации у белых, который был выслан за это в концлагерь и который сообщил на допросе мой адрес. Познакомился я с ним лишь в 1924 году. Своего прошлого он не скрывал, служил на заводах, в последнее время на заводе "Электроприбор", где был на хорошем счету, как старший конструктор и неоднократно был премирован.

Считаю, что и это обстоятельство также не может быть причиной моей высылки, так как за прошлое брата жены я ни в коем случае отвечать не могу.

Все изложенное было мною сообщено следователю при допросе, но изложено в протоколе не точно и сокращенно в таком виде, что я согласился подписать протокол лишь после длительных пререканий со следователем, утомленный 4-х часовым допросом.

Считаю, что ряд партийцев, с которыми мне приходилось работать на протяжении 17 лет могли лучше меня узнать, чем следователь-практикант НКВД за несколько часов допроса. Работая при Советской власти 17 лет, я всегда гордился оказываемым мне доверием и старался это доверие оправдать. Недоверие, высказанное мне на 18 году службы при Советской власти и вылившееся в факте удаления моего из города Ленинграда глубоко меня оскорбляет и незаслуженно создает для меня весьма тяжелые условия работы и существования, в то время как для остальных трудящихся жизнь делается все легче и веселее.

Так, например, приходится мириться с оплатой ниже нормальной, с квартирой в 4 этажа недостроенного дома, находящегося в поле далеко от завода, не имеющую водопровода, канализации, исправного отопления и

пр<очее>, в которую завод меня поселил, в отличие от прочих ИТР, приехавших по добровольному соглашению.

Положение адм<инистративно> высланного не дает возможности проявлять необходимую в работе настойчивость и твердость для пользы дела.

Далее я лишен возможности поехать за остатками своих вещей и технической библиотекой, в которой крайне нуждаюсь, и которая была мною оставлена в Детском Селе до выяснения вопроса о жилплощади в г<ороде> Воронеже, на основании полученного мною в Ленинграде У<правления> НКВД при отъезде заверения, что я являюсь лишь переселенцем, имеющим право на кратковременный въезд в Ленинград. Однако до сего времени я дважды получал от Ленинградского УНКВД отказ на мое ходатайство о разрешении приезда на 10 дней для окончательной ликвидации и вывоза крайне необходимых мне и моей семье для нормального существования и работы мебели (кроватей, столов, стульев), вещей и книг, которые к тому же начали подвергаться расхищению.

Получение отказов (последний в октябре) в разрешении даже на кратковременный приезд в Ленинград совершенно не вяжется с тем, что я имею самый обыкновенный паспорт и принят на учет Воронежским военкоматом, как командир запаса Красной армии по должности Нач<альника> радиостанции.

В заключение считаю необходимым отметить, что хотя к сожалению мне и не удалось выделиться какими либо особыми заслугами, которые бы с избытком покрыли все мои «грехи», как например, службу в царской армии в офицерском чине, происхождение не из пролетарской семьи и т<ак> д<алее>, однако все же некоторую пользу я принес и в Красной армии во время гражданской войны и впоследствии в Советской промышленности. Надеюсь и впредь приносить пользу, в особенности в случае положительного результата настоящего моего ходатайства, который бы вывел меня из тяжелого, угнетенного состояния, вызванного положением адм<инистративно> высланного и влил бы новые силы для дальнейшей работы на пользу нашей великой Социалистической Родины.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

1. Копия трудового списка.
2. Выписка из послужного списка (по 1926 год)
3. Копия справки Петербург<ской> Ремесленной Управы.
4. Копия справки Воронежского У<правления> НКВД.
5. Выписка из воинского билета.

26/II 36 г<ода>.

подпись (Л. Голлербах)

Адрес: Воронеж, Задонское шоссе, завод "Электросигнал"⁵.

5 апреля 1936 — по ходатайству юридического отдела Помполита высылка Льву Федоровичу Голлербаху и его жене, Людмиле Алексеевне Голлербах, была отменена, они вернулись в Ленинград. Мать Людмилы Алексеевны, Александра Алексеевна Агапова, осталась в Воронеже.

Лев Федорович Голлербах по возвращении

Людмила Алексеевна Голлербах по возвращении в Пушкин работала в учреждении. В 1941 — оказалась с сыном Сергеем в оккупации, в 1942 — вывезена с ним в Германию на принудительные работы.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1587. С. 183-185. Машинопись, подпись — автограф.

Сергей Львович Голлербах по возвращении в Пушкин окончил девять классов средней школы. Накануне войны начал учиться в Художественной школе при Ленинградской Академии Художеств. В 1941 —
оказался с матерью в оккупации, в 1942 — вывезен с ней в Германию на принудительные работы. В 1945 — бежал в Баварию, окончил несколько курсов Мюнхенской академии художеств, в конце 1949 — оказался в Америке, прошел тяжкий путь эмигранта, пробился и стал известным живописцем (его работы можно увидеть в крупнейших музеях мира). Кроме художественного таланта известен и как превосходный мастер прозы⁶.

⁶ Голлербах Сергей Львович. tez-rus.net/ViewGood38623.html...